

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ

Куб, шар и цилиндр

ФТМ

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г83

Григорьев О.

Г83 Куб, шар и цилиндр / Олег Григорьев. — М. : ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023. — 320 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-4467-3646-1

В книгу вошли избранные стихотворения Олега Григорьева (1943–1992), поэта, художника, одного из ярчайших представителей ленинградского андеграунда 1960–1980-х годов.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-4467-3646-1

© Григорьев О. Е., наследники, 2023
© Яснов М. Д., наследники,
составление, предисловие, 2023
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023

Об Олеге Григорьеве

При жизни Олег Евгеньевич Григорьев (1943–1992) был известен в основном как детский поэт, художник, яркий представитель ленинградского андеграунда 1960–80-х годов, как человек, гонимый властью, представитель литературного подполья, внутренний эмигрант.

Годы, на которые пришлась творческая жизнь поэта, выпестовали в нашем обществе резкий, отчетливый тип «кухонного собеседника», в душе своей чуждого всего официального, презирующего строй и власть, но не идущего на прямую конфронтацию с ними, а предпочитающего занять свою, по возможности, отдаленную и отделенную от них нишу. Культура улиц и кухонь, культура тайного протеста, ерничанья, насмешки, анекдота стала фактически культурой народа, живым фольклором. Сам маргинальный образ жизни оказался наделен глубоким, серьезным смыслом, достаточным, чтобы возникла новая литература.

Судьба Олега Григорьева типична для советского поэтического быта. Бедолага, пьяница, головная боль милиции и восторг кликушествующих алкашей, почти бездомный, разбрасывающий стихи по своим временным пристанищам, — он был человеком светлого ума, образованным, поразительно органичным. В трезвые минуты — обаятельный, умный, ироничный собеседник; в пьяные — чудовище, сжигающее свою жизнь и доводящее до иступления окружающих. Эта горячая смесь высот бытия и дна быта

пропитала его стихи, сделала их ни на что не похожими, превратила грязные, стыдные, но такие реальные окраины жизни в факт подлинной поэзии.

При жизни Григорьева вышли в свет три книги его детских стихов. Стихи для взрослых не печатались — они и не могли быть опубликованы в советское время, так много было в них той правды маргинального мира, того неловкого, о чем не только власти не говорят, но в чем и обычные люди часто сами себе не признаются. Его стихи расходились как фольклор, они распространялись в списках и передавались из рук в руки в машинописном самиздате.

Незадолго до своей кончины Олег Григорьев обратился к составителю этой книги с просьбой помочь собрать рукопись, в которую вошли бы его стихи, рассчитанные и на детей, и на взрослых читателей. Совместная работа, продолжавшаяся несколько месяцев, была прервана внезапной смертью автора 30 апреля 1992 года. Составитель считал своим долгом закончить подготовку книги. Она увидела свет в 1993 году, а в 1997 году вышла новая книга — «Птица в клетке». В этих изданиях была впервые введена в литературный обиход значительная часть произведений Григорьева, прежде известных только узкому кругу друзей и почитателей. Позднее, в 2008 году, была опубликована книга Григорьева «Винохранитель», дополненная архивными материалами. До сего дня это наиболее полное собрание произведений «взрослого» Григорьева.

А весной 1999 года, в канун очередной годовщины со дня смерти поэта, в петербургском музее Анны Ахматовой открылась выставка Григорьева-художника. Прекрасный рисовальщик, изгнанный в начале 1960-х из Средней художественной школы при Академии художеств, не отстоявший, по его собственным словам, себя как живописца, Олег Григорьев стал поэтом. Небольшая выставка в музее Ахматовой была, кажется, первой официальной выставкой его рисунков, не считая домашних и полудомашних экспо-

зиций на Пушкинской, 10, в центре питерского неформального искусства, и замечательным образом подтвердила его творческий почерк и особую стилистику. Больше всего Григорьев любил рисовать предметы быта — рядовые, обезличенные: кухонную утварь, рабочую разношенную обувь, будничную одежду, грубо сколоченную мебель. А также насекомых, птиц, животных и многочисленные детские и взрослые фигурки, такие же обезличенные, лежащие вповалку или бегущие куда-то в никуда за край желтого оборванного листа. Все эти рисунки оживают в его стихах, где нельзя провести границу между детским и взрослым мирами, где появляется ощущение какой-то вечной подростковости, где все постоянно превращается друг в друга и в свою противоположность, где простодушный примитивистский взгляд художника дотошно вычленяет, что, как и каким образом сделано и устроено. Многие произведения — просто перечни: деталей, рецептов, фигур, движений, параграфов, школярских выходов, пьяных разборок, рабочих операций.

Стихи Григорьева можно назвать высокой поэзией низкого быта. Он превращает низовую эстетику советской реальности в литературный факт. Поэтический примитивизм поэта — многозначный символ той русской жизни, которая, выветриваясь, как мозаика, тем не менее навсегда остается даже в осколках, штрихах, контурах, пятнах, обрывках фраз, фрагментах слов, отзвуках рифм.

Олег Григорьев родился 6 декабря 1943 года в Вологодской области. Дед его по матери был репрессирован. Отец вернулся с фронта, но запил. Мать с двумя детьми уехала в Ленинград, в котором и прошла вся жизнь будущего поэта.

Однажды мне попались на глаза палиндромы Олега Григорьева. Чуть ли не все они могли бы стать эпиграфами к его жизни: «Нам боли мил обман», «Индо мы в дым одни», «Лег на одре в тень нетвердо ангел», «Город устал

от судорог» и, наконец, «Я и ты — боль злобытия». Жизнь Григорьева можно было бы назвать «злобытием», хотя, возможно, он сам с этим не согласился бы. При всей макаберности, его стихи оставляют в душе куда больше улыбки и света, чем горечи. Это была жизнь, как палиндром, перевертышная. И шла она одновременно в двух направлениях: вниз и вверх.

В детстве Олег был, как тогда говорили, «центровым». Жил он с матерью и старшим братом в самом начале бульвара Профсоюзов, в двух шагах от Дворцовой площади, и все игры проходили в центре города: во время демонстраций, когда ребята забирались под трибуны и мерзли до посинения, опасаясь попасть в руки милиции, в проходных дворах на Невском или в собственном дворе, где приходилось что ни день завоевывать свое право на место под солнцем.

Олег рано начал рисовать. Но большинство его детских рисунков погибло во время наводнений, когда что ни год вода заливала подвальную комнату, где они тогда жили. Он хотел учиться, но в первый же школьный день у него украли портфель со всеми столь тяжело по тем послевоенным временам собранными учебниками и тетрадями. Он хотел дружить с ребятами, но не знал, как с ними ладить. Он хотел рисовать одно, педагоги заставляли делать совсем другое...

Друзья юности Олега Григорьева рассказывали, что он долго не выросл. Был невысок, моложав, тонкой кости и год за годом говорил, что ему семнадцать лет. Мы познакомились, когда ему уже перевалило за сорок, он был бородат, испит, болен, но на трезвую голову превращался в подростка, с простодушным удивлением и радостью открывавшего знакомый мир. Это был человек, в котором с предельной обостренностью запечатлелась подростковость изначально тонкого и умного, но люмпенизированного, уличного россиянина.

В одном из давнишних интервью, посвященном его памяти, поэт Виктор Кривулин рассказал о жизни их, десятилетних, в пионерском лагере и обратил внимание на всем нам хорошо известное явление, которое назвал «детской лагерной психологией». Здесь важны оба эпитета — и «детский», и «лагерный»: их сочетание подчеркивает суть судьбы и стихов Олега Григорьева. Он стал выразителем понятия, до сих пор нет-нет да и определяющего идеологию нашей общественной и нравственной жизни: «человек зоны».

Вот и из художественной школы его изгнали за то, что рисовал не то и не так. За то, что был насмешлив и скандален. За поэму «Евгений Онегин на целине», которую подал вместо сочинения — в ней он отвел душу, издеваясь над целинным «запоем» тех лет. За такие, например, стихи (рассказывают, что их нашел однажды в своем кабинете записанными на доске учитель физики):

Когда бы с яблони утюг
Упал на голову Ньютона,
То мир лишился бы тогда
Всемирного закона.

У Григорьева был особый взгляд, улавливающий смешную и трагичную алогичность жизни. В эти годы, не став живописцем, но сохранив дружбу и духовную связь со многими известными ныне художниками: Геннадием Устюговым, Михаилом Шемякиным, Александром Арефьевым, Владимиром Шагиным, Евгением Аносовым, — он стал поэтом.

Писатель Виктор Голявкин вспоминает: «Мы знали друг друга с давних ученических лет, и многие встречи с ним остались в памяти, как подчеркнутые строчки. После работы в мастерской я приходил в общежитие, ложился на кровать и писал короткие рассказы. Олег Григорьев часто приходил послушать мои рассказы (тогда все друг к другу

ходили). Он удивлялся, восторгался и сам писал стихи... Настроение его стиха, как правило, неординарно. А я считаю, писатель или поэт с того и начинается, что мыслит не в общепринятом русле. По крайней мере, для нашего времени так было лучше (может быть, это мнение не навсегда). Олег Григорьев задал новое направление художественной мысли».

Виктор Голявкин оказался среди тех немногих писателей (можно с уверенностью назвать еще Сергея Вольфа и Глеба Горбовского), кто так или иначе оказал влияние на молодого Григорьева. Свое «направление художественной мысли» он выпестовал сам в той уникальной атмосфере внутреннего протеста, которым были заражены и заряжены в те годы молодые умы. Протест приводил к разным последствиям, нередко с официальной точки зрения антисоциальным.

Стихи оказались так же невостребованы, как и рисунки. Началась маргинальность: пьянство, отсидка в «Крестах», ссылка, вытеснение из литературной взрослой жизни в детскую, из литературной детской — в жизнь, существующую вне литературы; началась бытовая несовместимость с миром, психушка, снова «Кресты», бездомность, ранняя и нелепая смерть...

Человек уличной культуры любит и лелеет уличный миф. Так легендаризировались знаменитые в недавнем прошлом места ленинградских поэтических сходов. Поди теперь разбейся, сколько там было нечистоплотности и отроческих предательств! Однако редкие таланты, прошедшие сквозь эту среду и выдюжившие ее, донесли до сегодняшнего дня романтическую сказку, в которую легко и жадно верится. Смутный быт Григорьева тоже со временем выветрится из памяти его друзей и современников, а хмельная невыносимость естественно заместится органичностью и оригинальностью его поэтической натуры.